

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-98-111](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-98-111)

Политические науки

Военно-техническое сотрудничество стран Центральной Азии: меняющаяся структура и основные тенденции

Мария Максимовна Казалова ✉

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия
kazalovamaria@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу структурной трансформации военно-технического сотрудничества (ВТС) государств Центральной Азии в 2020–2025 гг. Автор показывает, что регион, долгое время остававшийся монопольной зоной российского военного экспорта, превратился в конкурентную площадку взаимодействия России, Китая, Турции, США и других акторов. На основе данных Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI) и открытых источников фиксируется устойчивое сокращение доли России при одновременном росте совокупного объема импорта вооружений и резком увеличении военных бюджетов стран региона. Для систематизации стратегий государств Центральной Азии предлагается типология моделей военно-технического поведения: «опорного союзника» (Кыргызстан, Таджикистан), «диверсифицирующегося импортера» (Казахстан, Узбекистан) и «локализуемого импортера» (Казахстан). Особое внимание уделяется качественным сдвигам в номенклатуре поставок – смещению спроса от тяжелых традиционных платформ к беспилотным системам, средствам разведки и связи, что обусловлено опытом современных конфликтов, включая СВО. Дополнительным фактором нестабильности выступает ситуация в Афганистане и на Ближнем Востоке,

стимулирующая запрос на модернизацию сил безопасности и пограничного контроля. В статье формулируются практические рекомендации для российских профильных ведомств, включая предложения по созданию совместных производств БПЛА с локализацией, развитию сервисной инфраструктуры и комплексному партнерству вместо разовых транзакций. Делается вывод, что выверенная и адаптивная военно-техническая политика остается необходимым условием сохранения российского присутствия в одном из наиболее геополитически чувствительных регионов мира.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, Центральная Азия, региональная безопасность, SIPRI, диверсификация поставок, ОДКБ, БПЛА

Для цитирования: Казалова М.М. Военно-техническое сотрудничество стран Центральной Азии: меняющаяся структура и основные тенденции // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 3(21). С. 98–111, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-98-111](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-98-111)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-98-111](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-98-111)

Political Sciences

Military-Technical Cooperation of the Central Asian Countries: Changing Structure and Main Trends

Maria M. Kazalova ✉

Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
kazalovamaria@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the structural transformation of military-technical cooperation (MTC) among Central Asian states in 2020–2025. The author demonstrates that the region, long a monopoly for Russian military exports, has transformed into a competitive arena for cooperation between Russia, China, Turkey, the United States, and other actors. Based on data from the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) and open sources, a steady decline in Russia's share is documented, along with a simultaneous increase in the total volume of arms imports and a sharp increase in the military budgets of the region's countries. To systematize the strategies of Central Asian states, a typology of military-technical behavior models is proposed: "supporting ally" (Kyrgyzstan, Tajikistan), "diversifying importer" (Kazakhstan, Uzbekistan), and "localizing importer" (Kazakhstan). Particular attention is paid to qualitative shifts in the range of supplies: the shift in demand from heavy traditional platforms to unmanned systems, intelligence and communications equipment, due to the experience of modern conflicts, including special military operation. An additional factor of instability is the situation in Afghanistan and the Middle East, stimulating demand for modernization of security forces and border control. The article formulates practical recommendations for Russian relevant agencies, including proposals for establishing joint UAV production with localization, developing service infrastructure, and establishing comprehensive partnerships instead of one-time transactions. It concludes that a balanced and adaptive military-technical policy remains essential for maintaining Russia's presence in one of the most geopolitically sensitive regions of the world.

Keywords: military-technical cooperation, Central Asia, regional security, SIPRI, supply diversification, CSTO, UAVs

For citation: Kazalova M.M. Military-Technical Cooperation of the Central Asian Countries: Changing Structure and Main Trends. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 3(21): 98-111, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-98-111](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-98-111)

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем обстоятельством, что Центральная Азия является регионом пересечения стратегических интересов множества крупных политических игроков и, как следствие, их соперничества. Зажатый между Россией, Китаем, Ираном и Афганистаном регион постоянно подвергается влиянию извне, в связи с чем фактор уникального политико-географического местоположения Центрально-Азиатского региона, потенциал которого достаточно велик, также играет важную роль.

Период 2022–2025 гг. характеризуется трансформацией региональной архитектуры военно-технического сотрудничества (далее – ВТС) российских поставок к многовекторной политике закупок вооружений. По данным SIPRI¹, доля России на региональном рынке сократилась с 75–80% в 2020–2022 гг. до 40–45% в 2023–2025 гг. Эта тенденция отражает структурный сдвиг в расстановке сил, обусловленный совокупностью геополитических, экономических и военно-политических факторов – прежде всего, санкционным давлением на Россию после 2022 г. и усилением конкурентных позиций Турции в сегменте БПЛА, Китая – в области бронетехники и систем связи, а также нарастающими потребностями в модернизации вооруженных сил на фоне меняющегося характера угроз. Показательно, что тенденции развития национальных вооруженных сил стран региона и перспективы их военно-технического сотрудничества с Россией обсуждались в экспертной литературе еще в середине 2000-х гг., что говорит о структурном, а не конъюнктурном характере происходящих сегодня изменений [5].

Дополнительным источником нестабильности для региона стали события на Ближнем Востоке. Падение режима Башара Асада в конце 2024 г. и приход к власти радикальных группировок в Сирии вывели на первый план угрозу возвращения боевиков центральноазиатского происхождения. Это обстоятельство существенно влияет на военное планирование и приоритеты закупок вооружений в Центральной Азии. Институциональные механизмы региональной безопасности – прежде всего антитеррористический потенциал ОДКБ и ШОС – рассматривались в литературе применительно к подобным угрозам еще до обострения ситуации в Сирии, что позволяет оценить эволюцию соответствующих институтов на новом витке кризиса [4].

¹ SIPRI Yearbook 2025: Armaments, Disarmament and International Security: Summary // Stockholm International Peace Research Institute. Stockholm: SIPRI, 2025. 45 p. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2025-09/yb25_summary_ru.pdf.

Материалы и методы

В качестве методологической базы исследования за основу взяты положения теории международных отношений² [11–12], а также подходы, разработанные в современной военной науке и исследованиях мирового рынка вооружений [6]. Используются методы статистического анализа (на основе данных SIPRI³ и открытых бюджетных показателей), сравнительный метод при сопоставлении позиций конкурирующих поставщиков, кейс-стади конкретных контрактов и проектов ВТС, анализ экспертных оценок и мнений [2], публикаций из открытых источников и статей, а также анализ официальных политических заявлений руководителей стран региона с использованием методов контент- и дискурс-анализа. В ходе написания статьи автором были изучены научные статьи и материалы, отражающие проблематику военно-технического и военно-политического сотрудничества стран Центральной Азии [1; 3; 7–10].

Для того чтобы систематизировать стратегии государств Центральной Азии в сфере военно-технического сотрудничества, в исследовании используется типология моделей военно-технического поведения. В ее основе лежат три ключевых параметра: степень зависимости от одного доминирующего внешнего поставщика вооружений, наличие союзнических обязательств и внешних гарантий безопасности, а также уровень развития собственных производственных и ремонтных мощностей. Исходя из комбинации этих параметров, выделяются три преобладающие модели: «опорного союзника», «диверсифицирующегося импортера» и «локализующегося импортера».

Модель «опорного союзника» описывает государство, делающее ставку на углубленную кооперацию с одним доминирующим внешним партнером или блоком. Такое государство участвует в договорах коллективной безопасности, принимает стандарты вооружений доминирующего партнера и встраивается в его военно-технические цепочки вплоть до участия в совместном производстве и эксплуатации военной инфраструктуры. Политической «платой» за это является ограниченная автономия в выборе других партнеров; компенсацией – надежные гарантии безопасности и доступ к современным системам на льготных условиях. В наибольшей мере к этой модели тяготеют Кыргызстан и Таджикистан, поддерживающие устойчивые союзнические отношения с Россией в рамках ОДКБ и размещающие российские военные объекты на своей территории.

Модель «диверсифицирующегося импортера» характеризует государство, которое сохраняет зависимость от внешних поставок вооружений, но расширяет круг партнеров и номенклатуру закупок, снижая монозависимость от одного источника. Диверсификация в данном случае – не цель сама по себе, а инструмент

² Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации. URL: <https://www.gramota.net/article/hss20171048/fulltext>.

³ Там же.

политического «маневра»: государство стремится не дать ни одному из поставщиков монопольного рычага влияния. Издержкой этой стратегии является разнородность парка вооружений и усложнение технического обслуживания; преимуществом – повышенная устойчивость к политическому давлению со стороны любого отдельного партнера. Наиболее отчетливо эта модель проявляется в политике Казахстана и Узбекистана в рассматриваемый период.

Модель «локализирующегося импортера» фиксирует стратегию государства, которое, оставаясь импортоориентированным, целенаправленно стимулирует создание на своей территории ремонтных и производственных мощностей, учебных центров и совместных предприятий. Это переходная модель, ориентированная на долгосрочное снижение импортной зависимости при сохранении иностранных технологий как базы для развития собственного потенциала. Спрос на подготовку специалистов, лицензионное производство и трансфер технологий становится отличительной чертой государств, движущихся по этому пути. Элементы данной модели прослеживаются прежде всего в политике Казахстана, целенаправленно выстраивающего национальную оборонно-промышленную базу.

Важно подчеркнуть, что предложенная типология не является жесткой классификацией, предполагающей однозначное отнесение каждого государства к тому или иному типу. Реальные стратегии государств Центральной Азии в 2020–2025 гг. носят гибридный характер и содержат элементы всех трех моделей, причем соотношение этих элементов меняется в зависимости от конъюнктуры, внутривнутриполитических факторов и внешнего давления. Типология служит аналитическим инструментом, позволяющим структурировать сравнительный анализ и выявить преобладающие черты военно-технического поведения каждого из государств региона. Именно в конкуренции и взаимопроникновении различных стратегий в пределах одного региона состоит одна из ключевых аналитических особенностей центральноазиатского случая.

Анализ динамики военно-технического сотрудничества в регионе Центральной Азии позволяет в наглядной форме проследить, как под влиянием различных факторов меняются объемы, структура и география поставок вооружений. На основе сопоставления данных по различным периодам можно выявить, какие внешние акторы усиливают свое присутствие, какие виды вооружений становятся приоритетными и как трансформируются предпочтения государств-импортеров. Такой подход дает возможность более полно оценить влияние внешнеполитических, экономических и военно-технических факторов на регион. При относительно небольшой территории Центральная Азия представляет собой достаточно значимый рынок вооружений в мировом масштабе.

Анализ динамики военно-технического сотрудничества государств Центральной Азии в 2020–2025 гг. требует прежде всего обращения к верифицируемым количественным данным. Основным источником сравнительной статистики по данной теме служит база данных Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI), фиксирующая объемы трансфера вооружений в единицах Trend Indica-

tor Values (TIV)⁴ – условных показателях, отражающих производственные затраты на создание переданных систем вооружений и позволяющих проводить межстрановые и временные сопоставления вне зависимости от курсовых колебаний и контрактной секретности. Важно учитывать, что TIV не тождественны реальной контрактной стоимости сделок, тем не менее они остаются наиболее надежным из доступных инструментов сравнительного анализа.

Результаты исследования

Совокупный объем импорта вооружений пятью государствами Центральной Азии в 2020–2025 гг. демонстрирует устойчивый рост. Этот рост обусловлен совокупностью факторов: общим ростом военных бюджетов в условиях нарастающей региональной нестабильности, плановой модернизацией вооруженных сил, сформировавшимся запросом на замену устаревших советских систем, а также вышеупомянутым расширением круга поставщиков.

Таблица 1. Динамика импорта вооружений государств Центральной Азии, 2020–2024 гг. (млн SIPRI TIV; «-» = данные отсутствуют в базе World Bank / SIPRI WDI)⁵
Table 1. Dynamics of Arms Imports by Central Asian States, 2020–2024 (Million SIPRI TIV; “-” = the data are not Available in the World Bank / SIPRI WDI Database)⁵

Страна	2020	2021	2022	2023	2024
Казахстан	268	195	191	125	550
Узбекистан	46	60	22	17	-
Туркменистан	-	382	-	-	-
Кыргызстан	-	2	14	53	-
Таджикистан	-	-	3	-	-

Источник: SIPRI Arms Transfers Database. Значения приведены в млн SIPRI TIV; данные World Bank WDI (MS.MIL.MPRT.KD, в постоянных долл. 2018 г.) использованы только для дополнительной сверки и не являются источником значений TIV в таблице⁶

Source: SIPRI Arms Transfers Database. Values are in Millions of SIPRI TIV; World Bank WDI Data (MS.MIL.MPRT.KD, in constant 2018 dollars) are Used for Additional Verification only and are not the Source of the TIV Values in the Table⁶

4 Sources and Methods // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers/sources-and-methods>.

5 Примечание: значения выражены в млн SIPRI TIV – сопоставимом индикаторе объема поставок, а не в фактической стоимости контрактов; «-» означает отсутствие зафиксированных данных в базе за данный год, но не обязательно отсутствие поставок. Отсутствие значения в базе SIPRI / World Bank за конкретный год может объясняться несколькими причинами: закрытостью сделок, отсутствием поставок основных видов вооружений, временным лагом обновления данных либо тем, что поставки не превысили порогового значения в 0,5 млн TIV.

6 Всемирный банк. Показатель MS.MIL.MPRT.KD. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.MPRT.KD>.

Таблица 2. Военные расходы стран ЦА, 2020–2025 гг., млрд долл. США
Table 2. Military Expenditures of Central Asian Countries, 2020–2025, Billion US Dollars

Страна	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Казахстан	1,5	1,6	1,13	1, 24	2	2
Узбекистан	1,4	1,5	1,45	3,07	2,8	2,8
Туркменистан	0,2-0,8	0,2 -0,8	0,2 -0,8	1	1,1	1,1
Кыргызстан	0,02	0,2	0,1	0,4	0,4	0,6
Таджикистан	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2
Итого	3,2	3,6	2,9	5,9	6,5	6,7

Источник: SIPRI, *Global Fire Power*⁷ (курсивом выделены данные с высокой долей неопределенности)
Source: SIPRI, *Global Fire Power*⁷ (Data with High Uncertainty in Italics)

Анализ данных SIPRI по импорту вооружений государствами Центральной Азии позволяет выделить несколько ключевых тенденций.

Во-первых, при сохранении доминирующей роли одного-двух традиционных поставщиков в рассматриваемый период фиксируется устойчивый рост доли поставок из третьих стран и появление принципиально новых направлений кооперации. Во-вторых, происходит качественный сдвиг в номенклатуре: наряду с тяжелой бронетехникой и артиллерией резко возрастают поставки беспилотных авиационных систем, средств радиосвязи и наблюдения, что отражает адаптацию вооруженных сил региона к требованиям современного высокотехнологичного боя. В-третьих, прослеживается концентрация поставок в периоды обострения региональной напряженности и пересмотра национальных доктрин безопасности.

В целом для региона свойственны относительно небольшие военные затраты – в последние несколько лет они колеблются в диапазоне от 5 до 7 млрд долларов в год. Однако тенденция к росту сохраняется: скачок произошел в 2022–2023 гг. (+103%), после чего темпы роста замедлились до 4–16% в год; в целом за 2022–2025 гг. совокупные военные расходы региона выросли на 131% (см. таблицу 2). Странами с крупнейшими военными затратами в регионе Центральной Азии в 2025 г. стали Казахстан (28%) и Узбекистан (40%).

Также на данном этапе мы можем предположить еще одну характеристику рынка вооружений стран ЦА – это его конкурентоспособность. Начиная с 2024 г. наблюдается постепенный уход от закупок вооружений только у России в сторону многовекторных закупок. Регион все больше смотрит в сторону сотрудничества с Турцией, Китаем, западными странами. В свою очередь, рынок можно назвать диверсифицированным. Страны региона постепенно отходят от модели «единого поставщика» (России), выбирая стратегию поиска лучших предложений. Уже сейчас в регионе присутствует много экспортеров, среди которых Турция, Китай, Россия, США, Франция.

Диверсификация поставок вооружений и военной техники проявляется в том, что государства Центральной Азии в рассматриваемый период получают отдельные категории ВВТ от нескольких поставщиков одновременно. На рынке присутствуют различные производители, предлагающие беспилотные летательные аппараты, авиационную технику, средства ПВО, бронетехнику и стрелковое оружие. Так, Казахстан закупает беспилотные системы у Турции и Китая, тогда как Узбекистан приобретает транспортные самолеты у Китая, Бразилии и Испании, что свидетельствует о стремлении снизить зависимость от одного источника.

При анализе военно-технического сотрудничества необходимо учитывать существенные различия в экономическом потенциале государств Центральной Азии. По данным Международного валютного фонда на 2025 г., крупнейшей экономикой региона является Казахстан, далее следуют Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан⁸. Эти различия находят отражение в масштабах военных бюджетов, возможностях финансирования модернизации вооруженных сил и степени участия в капиталоемких проектах по развитию оборонно-промышленной базы.

Военный бюджет страны позволяет увидеть, сколько средств выделено Министерству обороны, другим ведомствам, связанным с обороной, на гособоронзаказ, модернизацию вооруженных сил, научно-исследовательские программы.

Наблюдается тенденция на увеличение военной составляющей стран, усиление армий, наращивание военного бюджета стран. В случае с Узбекистаном прирост военного бюджета на 2026 г. по сравнению с 2025 составил 120%, в случае с Казахстаном – 190% (см. таблицу 3). Так, руководством центральноазиатских стран на 2026 г. были заложены следующие военные бюджеты: Узбекистан – 6,2 млрд долл., Казахстан – 5,8 млрд долл., Туркменистан – 1,5 млрд долл., Кыргызстан – 0,7 млрд долл., Таджикистан – 0,5 млрд долл.

Таблица 3. Военные бюджеты стран ЦА в динамике 2025–2026 гг.
Table 3. Military Budgets of Central Asian Countries in Dynamics 2025–2026

Страна	Военный бюджет 2025 г., млрд долл.	Военный бюджет 2026 г., млрд долл.
Узбекистан	2,8	6,2
Казахстан	2	5,8
Туркменистан	1,1	1,5
Кыргызстан	0,2	0,7
Таджикистан	0,4	0,5

Источник: *Global Firepower*⁹
Source: *Global Firepower*⁹

8 Данные о ВВП (МБФ) // StatBase. URL: <https://statbase.ru/datasets/economics/gdp-imf-data/>.
9 Global Firepower. «Company Comparison Table». URL: globalfirepower.com.

7 Global Firepower. «Company Comparison Table». URL: globalfirepower.com.

Выводы

Проведенное исследование динамики военно-технического сотрудничества государств Центральной Азии в 2020–2025 гг. позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов.

1. Ключевая тенденция рассматриваемого периода – сочетание количественного роста регионального ВТС и его качественной структурной трансформации. Результаты исследования показывают, что за период 2020–2025 гг. военно-техническое сотрудничество в Центральной Азии не только выросло по объемам, но и заметно изменилось по структуре. Регион перестал быть исключительно «российским» рынком вооружений и превратился в площадку, где одновременно работают несколько конкурирующих поставщиков. На решения государств ЦА в сфере ВТС влияют внутренние факторы безопасности, экономические возможности и внешнее давление со стороны крупных акторов. Именно сочетание этих факторов объясняет, почему динамика ВТС по отдельным странам региона сегодня выглядит гораздо более сложной, чем пять-десять лет назад.

2. Типология моделей военно-технического поведения «опорного союзника», «диверсифицирующегося импортера» и «локализующегося импортера» подтвердила свою аналитическую работоспособность в ходе применения к конкретному материалу. Государства Центральной Азии в рассматриваемый период демонстрируют элементы всех трех моделей, причем их соотношение варьируется в зависимости от ресурсного потенциала, институциональных связей и политической субъектности конкретного государства. Кыргызстан и Таджикистан тяготеют к модели «опорного союзника»; Казахстан и Узбекистан последовательно движутся в направлении «диверсифицирующегося» и «локализующегося» импортера соответственно; Туркменистан сохраняет особую позицию, определяемую конституционным нейтралитетом.

3. Анализ данных SIPRI и открытых источников позволяет зафиксировать два взаимосвязанных структурных сдвига. Первый – номенклатурный: смещение спроса от тяжелых традиционных платформ в сторону беспилотных систем, средств связи и разведки, высокоточного оружия – обусловлено прежде всего «карабахским уроком» 2020 г. и российско-украинским конфликтом, наглядно продемонстрировавшим боевую эффективность высокотехнологичных средств в условиях современного конфликта. Второй сдвиг – форматный: переход от транзакционных разовых закупок к комплексному долгосрочному партнерству, включающему сервисную инфраструктуру, учебные центры и элементы локализации производства. Этот переход качественно меняет природу регионального ВТС, превращая его из механизма обеспечения техникой в инструмент выстраивания долгосрочных военно-политических связей.

Для государств Центральной Азии важны не только прямые военные угрозы, но и более широкий контекст – ситуация в Афганистане, конфликты на Ближнем

Востоке, санкционная политика в отношении России. «Сирийский фактор» проявляется прежде всего через обеспокоенность возможным возвращением боевиков и общую чувствительность к трансграничным угрозам, что стимулирует внимание к модернизации сил безопасности, средств пограничного контроля и разведки. В то же время санкционное давление на Россию и усилия конкурирующих поставщиков, особенно Турции и Китая, создают для государств Центральной Азии дополнительные стимулы диверсифицировать источники вооружений.

Можно констатировать, что Центральная Азия в 2020–2025 гг. окончательно утвердилась в роли поля соперничества различных военно-технических стратегий внешних акторов.

Рост диверсификации ВТС несет в себе как возможности, так и риски для государств региона. С одной стороны, расширение круга партнеров повышает устойчивость к политическому давлению со стороны любого отдельного поставщика и открывает доступ к более широкому спектру военных технологий. С другой стороны, фрагментация парков вооружений усложняет техническое обслуживание, создает проблемы совместимости и повышает общую стоимость владения разнородными системами. Долгосрочная зависимость от иностранного сервисного сопровождения и кадровых программ сохраняется – меняется лишь ее адрес.

4. По расчетам автора на основе базы SIPRI Arms Transfers Database, доля России на региональном рынке вооружений сократилась с 75–80% в 2020–2022 гг. до 40–45% в 2023–2025 гг. Это сокращение обусловлено совокупностью факторов – объективными ограничениями российского оборонно-промышленного экспорта и политическими решениями региональных правительств, стремящихся снизить монозависимость и расширить пространство внешнеполитического маневра. Освобождающееся пространство активно занимают Турция через поставки беспилотных систем и нарратив тюркской солидарности, Китай через нишевое проникновение в сегменты технологий двойного назначения и пограничной безопасности, а также, в меньшей мере, западные страны через программы военной помощи и адресного технического содействия.

5. На горизонте до 2030 г. наиболее вероятно реализация комбинированного сценария: инерционного сохранения доминирования традиционных поставщиков для наименее ресурсобеспеченных государств (Кыргызстана и Таджикистана) при одновременном развертывании сценария усиленной конкуренции для Казахстана и Узбекистана. Специфической чертой региона останется стремление государств балансировать между конкурирующими центрами силы, используя ВТС как инструмент внешнеполитического маневра.

На основании проведенного анализа формулируется ряд практических рекомендаций, адресованных прежде всего профильным российским ведомствам, ответственным за реализацию военно-технической политики в регионе.

Предложения включают в себя учет западного подхода, который состоит в опоре на технологические инновации, стремление к быстрой адаптации под меняющиеся условия боя и гибкой офсетной политике: при заключении контракта

на определенную стоимость иностранный покупатель получает право на передачу технологий, локализацию производства компонентов или участие национальных компаний в производственной кооперации.

Основную ставку также необходимо сделать на имеющийся у российских производителей практический опыт поставок FPV-дронов в зону СВО, предложив властям Казахстана и Узбекистана совместные проекты по производству тактических разведывательных и ударных БПЛА с передачей технологий на условиях локализации не менее 30–40%. Стоимость российских дронов сегодня, как правило, ниже турецких при сопоставимых тактических характеристиках, что создает заметное конкурентное преимущество, которое имеет смысл капитализировать до того, как оно будет нивелировано. В качестве дополнительного стимула можно рассмотреть создание в Казахстане (или Кыргызстане) испытательного полигона для тестирования российских тактических БПЛА в реальных климатических условиях ЦА (степные, горные и пустынные районы) противодроновые системы в условиях электромагнитного подавления, интеграция ИИ в системы управления огнем по образцу франко-германского совместного оборонного R&D (KNDS, MBDA) или израильско-индийских совместных разработок с размещением в академических городках Казахстана (Алматы, Астана) или Узбекистана (Ташкент), что снижает политическую чувствительность для принимающей стороны.

Рекордный портфель экспортных контрактов (\$70 млрд в 2025 г., по данным «Известий»)¹⁰ частично объясняется тем, что Россия продает технику, прошедшую реальную боевую проверку. В 2025 г. было протестировано свыше 1 000 новых образцов военной техники. Страны ЦА, принимая решения о закупках в условиях нарастания реальных угроз (Афганистан, трансграничные террористические угрозы), придают этому аргументу большое значение.

Целесообразно предложить армиям стран ЦА (в особенности Казахстану и Узбекистану, активно инвестирующим в цифровизацию) комплексные решения на основе российских систем ситуационной осведомленности, защищенных каналов связи и аппаратуры РЭБ. Вместо разовых поставок – долгосрочные контракты на обслуживание и обновление программного обеспечения (модель SaaS-ОПК), аналогичная израильской практике продажи систем Elbit и Rafael, где сервисный контракт стоит столько же, сколько само оборудование.

В целом военно-техническое сотрудничество, переживающее фазу структурной трансформации в 2020–2025 гг., сохраняет значение одного из ключевых инструментов влияния в регионе Центральной Азии, способного как противодействовать управляемой дестабилизации, так и содействовать формированию устойчивой архитектуры региональной безопасности. От характера, глубины и направленности ВТС, а также способности ведущих внешних акторов – и прежде всего России, для которой регион сохраняет экзистенциальное стратегическое значение, – во многом

зависит не только уровень оснащенности вооруженных сил государств региона, но и общая конфигурация баланса сил, степень устойчивости политических режимов и способность государств Центральной Азии противостоять внешним попыткам дестабилизации. Именно поэтому стратегически выверенная и адаптивная военно-техническая политика, учитывающая как долгосрочные интересы, так и динамично меняющийся контекст, остается необходимым условием сохранения значимого присутствия в одном из наиболее геополитически чувствительных регионов мира.

Список литературы

1. Грозин А. Политика Турции в постсоветской Азии: подходы, институты, перспективы [Turkey's Politics in the Post-Soviet Asia: Approaches, Institutions, Prospect] // Постсоветский материк. 2021. № 2(30). С. 25–48. https://doi.org/10.12345/2311-6412_2021_2_25.
2. Евтодьева М.Г., Крамник И.А., Стефанович Д.В. Военно-техническое сотрудничество стран Юго-Восточной Азии [Military-Technical Cooperation of Southeast Asian States] / Отв. ред. М.Г.Евтодьева. М. : ИМЭМО РАН, 2021. 147 с.
3. Квашин А.Е. Геополитическое соперничество России и Великобритании в Центральной Азии в XIX веке [Geopolitical Rivalry Between Russia and Great Britain in Central Asia in the 19th Century] // Молодой ученый. 2025. № 25(576). С. 333–335.
4. Козюлин В.Б. Антитеррористический потенциал ОДКБ и ШОС в Центральной Азии [CSTO and SCO Anti-Terrorist Potential in Central Asia] // Современные евразийские исследования. 2016. № 2. С. 14–20. EDN: XEATAH.
5. Козюлин В.Б. Государства Центральной Азии: развитие вооруженных сил и перспективы военно-технического сотрудничества с Россией [Central Asian States: Development of Armed Forces and Prospects for Military-Technical Cooperation with Russia] // Индекс безопасности. 2007. Т. 13, № 3(83). С. 41–60.
6. Модели военных, боевых и специальных действий [Models of Military, Combat and Special Operations] / Под ред. Д.А.Новикова. М.: ЛЕНАНД, 2025. 528 с.
7. Пархитко Н.П., Курылев К.П., Станис Д.В. Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество государств Центральной Азии [Military-Political and Military-Technological Cooperation of Central Asian States] // Военная мысль. 2020. № 7. С. 22–39.
8. Плотников Д.С. Центральная Азия в контексте мировой политики [Central Asia in the Context of World Politics]. Пермь, 2020. 94 с.
9. Шершах А.М.Х. Афганистан в системе международных отношений: 2014–2019 гг. [Afghanistan in the System of International Relations: 2014–2019]: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15. М., 2021. 223 с.
10. Юраков М.В. Проблема распространения нестабильности в Афганистане на пространство Центрально-азиатского региона [The Problem of the Spreading Afghanistan's Instability onto the Region of Central Asia] // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. № 1. С. 87–94.
11. Morgenthau H.J. Decision-Making in the Nuclear Age // Bulletin of the Atomic Scientists. 1962a. Vol. 18. № 10. P. 7–8.
12. Wendt A.E. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 366 p.

Информация об авторе

КАЗАЛОВА Мария Максимовна. Магистрант Дипломатической академии МГИМО МИД России. Адрес: Российская Федерация, 119992, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2. kazalovamaria@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

¹⁰ Нефедова А. РФ подписала экспортные контракты по вооружению на рекордные 70 млрд // Известия. 2023. URL: <https://iz.ru/2023232/alena-nefedova/rf-podpisala-eksportnye-kontrakty-po-vooruzheniiu-na-rekordnye-70-mlrd>.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20 июня 2026 г. Одобрена после рецензирования: 20 августа 2026 г. Принята к публикации: 25 августа 2026 г. Опубликовано: 1 сентября 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Grozin A. Turkey's Politics in the Post-Soviet Asia: Approaches, Institutions, Prospects. Postsovetiskij materik [Post-Soviet Continent]. 2021; 2(30):25–48 [In Russian]. https://doi.org/10.12345/2311-6412_2021_2_25.
2. Evtodeva M.G., Kramnik I.A., Stefanovich D.V. Military-Technical Cooperation of Southeast Asian States. Ed. by M.G.Evtodeva. Moscow: IMEMO RAN [IMEMO RAS], 2021. 147 p. [In Russian].
3. Kvashin A.E. Geopolitical Rivalry Between Russia and Great Britain in Central Asia in the 19th Century. Molodoj uchenyj [Young Scientist]. 2025; 25(576):333–335 [In Russian].
4. Kozyulin V.B. CSTO and SCO Anti-Terrorist Potential in Central Asia. Sovremennye evrazijskie issledovaniya [Contemporary Eurasian Studies]. 2016; 2:14–20 [In Russian]. EDN: XEATAX.
5. Kozyulin V.B. Central Asian States: Development of Armed Forces and Prospects for Military-Technical Cooperation with Russia. Indeks bezopasnosti [Security Index]. 2007; 13–3(83):41–60 [In Russian].
6. Models of Military, Combat and Special Operations. Ed. by D.A.Novikov. Moscow: LENAND [LENAND], 2025. 528 p. [In Russian].
7. Parkhitko N.P., Kurylev K.P., Stanis D.V. Military-Political and Military-Technological Cooperation of Central Asian States. Voennaya mysl' [Military Thought]. 2020; 7:22–39 [In Russian].
8. Plotnikov D.S. Central Asia in the Context of World Politics. Perm, 2020. 94 p. [In Russian].
9. Shershah A.M.H. Afghanistan in the System of International Relations: 2014–2019: Theses ... CandSc. (History): 07.00.15. Moscow, 2021. 223 p. [In Russian].
10. Yurakov M.V. The Problem of the Spreading Afghanistan's Instability onto the Region of Central Asia. Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences]. 2015; 1:87–94 [In Russian].
11. Morgenthau H.J. Decision-Making in the Nuclear Age. Bulletin of the Atomic Scientists. 1962; 18(10):7–8 [In English].
12. Wendt A.E. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 366 p. [In English].

About the author

Maria M. KAZALOVA. Master's student at the Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO). Address: 53/2, Ostozhenka str., Moscow, 119992, Russian Federation. kazalovamaria@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 20, 2026. Approved after review: August 20, 2026. Accepted for publication: August 25, 2026. Published: September 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.